
ТРАНСГУМАНИЗМ И «ПОЛЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ» КОГНИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ*

В.М. Найдыш

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 10/2, Москва, Россия, 117198

Трансгуманизм и биоконсерватизм — две крайние философские позиции в оценке перспектив развития когнитивных технологий. Им противостоит позиция, базирующаяся на представлении, что воспроизводство универсальных отношений человека и мира осуществляется такой формой сознания, которая получила название «тайна». Тайна задает границы «познаваемого—непознаваемого» в данных конкретно-исторических обстоятельствах и обладает бинарной структурой. Тайна и научная проблема существенно различаются характером взаимодействия в них когнитивного и ценностного функционалов сознания.

Ключевые слова: когнитивное, ценностное, сознание, тайна, образ, технологии, проблема, мышление, абстракция.

В настоящее время в сфере научно-технического развития все большее значение уделяется когнитивным технологиям, т.е. технологиям, способным моделировать или даже заменять отдельные элементы, звенья познавательной деятельности человека, включая сюда и мыслительные процессы. Когнитивные технологии являются результатом широкого междисциплинарного синтеза (психологии, лингвистики, нейрофизиологии, гносеологии, теорий самоорганизации, компьютерных информационных технологий, математического моделирования и др.) и, в конечном счете, они призваны совершенствовать способы и алгоритмы выработки и достижения субъектом целей деятельности и общения. Не просто заменить, а усовершенствовать мыслительные процессы человека, характеризующиеся сложной структурированностью, многоаспектностью, отсутствием достаточных количественных характеристик, вариативностью, изменчивостью во времени и т.д. Когнитивные технологии относят к тем стратегическим направлениям, которыми будет определяться экономика будущего, когнитивным технологиям (наряду с нано- и биотехнологиями) — отводится роль ключевого звена шестого технологического уклада [1].

Впечатляют уже полученные в сфере когнитивных технологий достижения — биометрические паспорта, система распознавания слитной речи, автоматическая обработка громадных массивов многофакторной информации, видеоаппараты для помощи незрячим, системы распознавания и перевода с одного языка на другой текстов, компьютерные шахматные программы, обыгрывающие чемпионов мира, и др.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект № 12-03-00409а.

В настоящее время на повестке дня — разработка самообучающихся и саморазвивающихся программ, способных осуществлять оперирование информацией и принимать вариативные управленческие решения гораздо быстрее, чем это может делать человек. Здесь на первый план выдвигается проблема моделирования основной мыслительной операции — обобщения, генерализации. По сути, это процедура абстрагирования, которая может быть многоуровневой. При этом исходной основой, ядром субъективной реальности является чувственный образ ситуации, предстающий сознанию субъекта, находящегося в определенной «точке отсчета», задающей конкретную познавательную «систему координат». Так и в когнитивных технологиях разрабатываются способы непосредственного распознавания общих характеристик (кластеров) класса единичных вещей (например, от «образов» различных автомобилей — к кластеру «автомашина»). Затем вводятся правила, позволяющие объединять несколько кластеров в один («кластер кластеров»).

Аналогичным образом разрабатываются саморазвивающиеся программы распознавания текстов, в которых автоматически выделяются фрагменты, относящиеся к разным темам. Общая направленность здесь очевидна — создание системы искусственного интеллекта, но на этом пути нужно еще решить проблему моделирования таких когнитивных процессов, как ассоциативность мышления, интуиция, воображение, предвидение и др. [2].

Актуальные проблемы практики обычно являются и глубокими теоретическими проблемами.

Современное развитие когнитивных технологий, ориентированных на совершенствование интеллектуальных возможностей человека, актуализирует фундаментальную проблему системной динамики сознания. По сути речь идет об искусственном воссоздании и совершенствовании (опосредующей отношение человека к миру) субъективной реальности, которая формируется во взаимодействии объективной реальности и субъекта, вооруженного (исторически обусловленными) материально-предметными и идеально-теоретическими средствами воздействия на природную и социальную среду. Поэтому вполне закономерно, что развитие когнитивных технологий предполагает необходимость «одновременно... решать фундаментальные научные проблемы механизмов сознания, речевого общения, интеллекта и стрессоустойчивости человека» [3] и др.

Среди этих фундаментальных теоретических проблем — и проблема философского осмысления «поля возможностей», «области границ» когнитивных технологий. Как можно оценить перспективы когнитивных технологий, «поле возможностей» их развития? В настоящее время в принципиальном решении этого вопроса четко определились две крайние позиции.

Первая представлена трансгуманизмом, который достаточно прямолинейно и упрощенно развивает «выводы» из идеологии когнитивных технологий. Согласно этой философской программе, поскольку человек не является последним звеном биологической эволюции, которая не имеет пределов совершенствования, то к 2040—2050 гг. должна прийти новая общественная формация — нечеловечес-

во. Неочеловечество — это космическая сверхцивилизация неолюдей на базе создания «совершенных интерфейсов «мозг — компьютер», появление антропоморфных роботов-аватаров, управляемых силой мысли, появление симбиотического интеллекта, оцифровка воспоминаний и перенос личности человека на небелковый носитель.

Неочеловечество даст людям новые смыслы жизни, новые ценности и цели, то, чего никогда не было и не могло быть ранее, что сейчас даже покажется нам фантастическим, невероятным. Неочеловечество изменит телесную природу человека, сделав его бессмертным, свободным, играющим разумом, независимым от ограничений пространства и времени» [4].

К числу главных признаков неочеловечества как сложного, самоорганизованного, свободного общества «всеобщего прогресса, эволюции, синергизма» трансгуманисты относят отказ от установки «на покорение природы или создание, накопление и потребление материальных благ ради получения чувственных удовольствий, а на самосовершенствование... человека», ориентация на переход «к сверхразумному, бессмертному, мультителесному неочеловеку, космическому творцу, живущему вечно, в различных телах и не зависящему от ограничений природы», вплоть до того, что он способен к жизни «в любой точке космического пространства» [5] и др. «Трансгуманистическая декларация» — это по сути пестрая смесь науки, квазинауки и научной фантастики [6].

Трансгуманизму противостоит диаметрально противоположная позиция — биоконсерватизм, критикующего «сверхоптимистов» по ряду основных позиций. Не считая обоснованных возражений против достижимости целей трансгуманизма, среди них много и других вполне рациональных возражений: полное игнорирование трансгуманизмом морального аспекта, а также сферы потребностей как стимула развития и чувственно-эмоциональной стороны сознания в способе бытия человека; указание на то, что размывание трансгуманизмом границ между человеком и артефактом по сути означает не превращение человека в сверхчеловека, а превращение человека в не(до)человека, поскольку такое существо не будет иметь свойственных человеку психологических качеств; абсолютное социальное противостояние «высших» и «низших»; претензии трансгуманизма на превращение человека по сути в Бога; невозможно и нецелесообразно абсолютно разрывать с пределами, ограничениями, наложенными природой на бытие человека (например, продолжительность жизни и др.); телесное ни в какой мере не индифферентно к духовному; трансгуманизм — это форма неоевгеники; и др. Все это, по словам Ф. Фукуямы, делает трансгуманизм «самой опасной в мире идеей» [7].

К этому можно добавить, что трансгуманизм — это разновидность не просто утопизма, а форма проявления современной алхимии, которая еще в эпоху Возрождения ставила перед собой задачу создания искусственного человека — гомункула или андроида.

На наш взгляд, прояснить философскую платформу анализа «поля возможностей» когнитивных технологий можно со следующих позиций. Во-первых, представления о том, что человек является не рядовым, а высшим звеном биологиче-

ской (и глобальной) эволюции, которая на уровне человеческого общества трансформируется в коэволюцию природного и культурного миров. Во-вторых, как высшее звено глобального эволюционизма человек находится в особых — универсальных — отношениях к миру, т.е. таких отношениях, в котором проявляется глубинное внутреннее единство человека и мира и благодаря которым природа, общество и человек непосредственно выступают взаимозависимыми частями целого [8]. В-третьих, отражение и воспроизводство универсальных отношений человека и мира осуществляется особой формой сознания, которая в истории культуры и философии получила название «тайна». Тайна — это форма духовности, задающая (относительные) границы «познаваемого-непознаваемого», «поддающегося практическому освоению — неподдающегося практическому освоению» в данных конкретно-исторических обстоятельствах.

Сущность тайны — это традиционная проблема религиозной философии. В качестве объекта рационалистического философского познания тайна предстает прежде всего как некое своеобразное состояние человеческого духа, в котором при аналитическом рассмотрении выделяется два полюса, основополагающих компонента: когнитивный и ценностно-аффективный. Первый представлен образами тайны, а второй — переживаниями тайны. Образы тайны — это представления о существовании некоторых сторон бытия, которые (пока или принципиально) неподвластны познавательным устремлениям человека, рациональному постижению и логическому освоению их человеком, но сами тем или иным образом могут оказывать определенное влияние на протекание его жизнедеятельности, проявляясь при этом и в эмоционально-аффективных формах. Переживания тайны — это и есть те эмоционально-аффективные формы, которыми сопровождаются образы тайны, которые сплавлены с этими образами, сосуществуют с ними. Таким образом, наш подход к проблеме строится на идее бинарной структуры тайны как формы духовности.

Тайна — особое состояние человеческого духа. Она способна включать в себя и интегрировать любые его формообразования. Поэтому тайны всегда были мощными центрами концентрации и актуализации многогранного содержания человеческой духовности. Токи высокой духовной напряженности, сопровождающие тайну, — результат не только ее содержания и структурных особенностей, но и того особого места, которое она занимает в исторически определенной иерархии системы духовных форм и в динамике функционирования этой системы в материальной культуре. Тайна сопряжена со сдвигом в отношениях между субъектом и объектом, между культурой и природой, между человеком и социумом, человеком и универсумом культуры.

Конституирование тайны как некоего формообразования духа предполагает такой уровень развития сознания, при котором две его ведущие функции — знание и переживание мира — начинают постепенно отделяться друг от друга, приобретать свое качественно специфическое содержание. Каждый исторический тип сознания, культуры имел свои собственные «механизмы» порождения тайн, вырабатывал свое собственное отношение к тайне, собственное ее понимание. Анализ

тайны как формы духовности позволяет открыть новые стороны, грани понимания и переживания субъектом конкретно-исторических границ «человеченной природы» и мира еще неосвоенного активностью субъекта бытия, а также возможных границ бурно развивающихся в настоящее время когнитивных технологий, нацеленных на совершенствование интеллектуальных возможностей человека.

Бинарная структура тайны определяет возможность трех фундаментальных отношений субъекта к тайне. Первое отношение — ценностно-образное, эмоционально-аффективное. В его основе представление о том, что тайна должна в первую очередь чувственно переживаться субъектом, а не сводиться к расширению знаний о своем предмете. Так вокруг тайны складывается особый род духовной жизни, обоснованием которого выступает мистицизм.

Второе отношение — когнитивное, в русле которого тайна интерпретируется как проявление некоторых объективных сторон бытия, которые могут быть (рано или поздно) раскрыты, систематизированы и конкретизированы посредством познавательной активности субъекта. На этом пути признается принципиальная превращаемость любой тайны в конкретно-научную проблему. (Хотя это вовсе не обязательно должно сопрягаться с признанием обязательной разрешимости любой такой проблемы). И, наконец, третье отношение субъекта к тайне — философское. Оно предполагает рациональное постижение тайны как целостного состояния духа, как особого закономерного момента в системно-исторической динамике культуры, в единстве ее (тайны) образно-когнитивного и ценностно-аффективного аспектов. В таком философском отношении субъекта к тайне эти два ее аспекта выступают как амбивалентные моменты некоторого единого, общего основания.

Рассмотрим детальнее каждое из этих трех отношений. Первое отношение. Мистицизм — это некий вид духовной жизни, который вырастает из критического отношения к рационалистическим ориентирам сознания, из подчеркивания «заблуждений разума». Отрицание рационализма здесь сочетается с отрицанием значимости когнитивной стороны человеческой духовности, опытных и рационально-логических источников и предпосылок познания. Основным каналом связи человека с бытием в мистицизме выступает не когнитивная, а эмоционально-аффективная сторона сознания. Поэтому центром и кульминационным пунктом мистицизма выступает состояние экстаза, под которым понимают экстремальную форму переживания, концентрированно интегрирующую все возможные формы аффективности вокруг представления о непосредственном субъективном ощущении сторон бытия, лежащих далеко за пределами личного опыта индивида. Ощущение и экстатическое переживание тайны является основным фактором жизни мистика. Оно придает этой жизни ведущий тон и является главной целью его миропереживания.

Экстаз — это область мистического эзотеризма, некое аффективное состояние, в котором, с точки зрения мистицизма, как бы исчезают границы между субъектом и объектом, когда человеческая душа овладевает тайной, а тайна овладевает душой. Результатом является наполнение души мистика бесконечным и нераз-

дельным ощущением блаженства и самозабвения, перерастающими в чувство восторга. Надрациональная природа экстаза обосновывается мистиками, в частности, и тем, что это состояние совершенно неопишимо, невыразимо в языке; мистик постоянно подчеркивает, что нет слов, которые могли бы дать хотя бы приближенное представление и понятие о состоянии экстаза.

Мистицизм в экстазе видит не только чувство блаженства, радости и восхищения, но и отрешенность от конкретных ситуаций, условий пространства и времени, ощущение некоторой мощи, которая появляется от осознания и переживания доступности тайны, «способности» мистика сделать тайну своей и тем самым превратить ее для себя в нетайну.

С точки зрения мистицизма экстатическое постижение тайны позволяет человеку «входить» в другие трансцендентальные реальности (эзотерические миры), развивать в себе способности к тому, чтобы «жить» в них. Трансцендентальные переживания характеризуются чувством единства с другими людьми, природой и всем миром; невыразимостью и уникальностью эмоций; чувством преодоления времени и пространства, парения над действительностью и ее историей; парадоксальностью и нарушением логики; утратой самоконтроля; объективацией содержания своих представлений и др. Таким образом, в природе тайны коренятся и несомненный мощный обновленческий, творческий потенциал мистицизма, и его способность гармонизировать переживания индивидом своих отношений с миром.

Второе отношение. Но тайна вовсе не является монополией мистицизма. Любая тайна может и должна быть предметом также и рационалистического анализа, конкретно-научного познания. Вместе с тем прямого пути от тайны к проблеме, строго говоря, нет. Идущее от новоевропейского рационализма, широко распространенное представление о том, что любая тайна есть всегда лишь закамуфлированная научная проблема, является несомненным упрощением. Потенциально любая тайна действительно рано или поздно может перерасти в научную проблему, но это вовсе не означает, что каждая из тайн духа (и все они вместе) на самом деле рано или поздно станут такими проблемами. И такое утверждение вовсе не является проявлением агностицизма. В отличие от проблемы, тайна принадлежит таким типам многоуровневой системной организации бытия, которые пока еще не освоены практической деятельностью и не воспроизводятся имеющейся, наличной структурой мышления. И тогда оказывается, что судьба тайны как формы духовности не определяется лишь в одной плоскости познавательного отношения человека к миру. Эта судьба сложнее; ее содержание складывается под непосредственным влиянием, кроме познавательного, еще и эстетического, нравственного, деятельного и других (игрового, например) фундаментальных отношений в системе «Человек — Мир».

Тайна и проблема существенно различаются характером соотношения и функционирования когнитивного и ценностного. Тайны создаются совместными усилиями рационально-познавательного и образно-эмоционального, ценностного аспектов сознания. Тайна есть форма духовности, где знание мира и его оценка, познание и переживание действительности не дифференцируются друг от друга,

не противостоят друг другу, а представляют собой некое синкретическое единство. Этот синкретизм и придает тайне поэтичность. Тайна всегда поэтична. Поэтому она не только мотив и объект познания, но еще и предмет художественно-образного преклонения и восхищения. Таинственность бытия поглощает человека всего, целиком, со всеми (и разумно-мыслительными и эмоционально-образными) сторонами его духовности. Иначе говоря, там, где есть тайна, там разделение на когнитивное, познавательное и оценочное, ценностное отношение человека к миру становится относительным. И потому тайна — это принципиально неинтерпретируемая форма духа. В проблеме дело обстоит иначе — здесь познавательное уже доминирует над ценностным, рационально-логическое над чувственно-эмоциональным. И поэтому проблему можно решить, т.е. превратить ее посредством рационально-мыслительной деятельности в конечное число доступных, решаемых по алгоритмам задач, в объясняемое и доказанное знание.

Если проблема разрешается (или не разрешается) конкретными науками, то тайна во всей ее полноте выражается и воспроизводится философией и мифологией.

Третье отношение. В рационалистической философии онтологические «векторы» тайны задаются границей обосновываемого и необосновываемого, предсказуемого и непредсказуемого. Тайна — это прерыв мерно осуществляющегося процесса жизнедеятельности там и тогда, где и когда человек оказывается перед драматической коллизией, в ситуации выбора, сталкивается с потребностью самоопределения в отношении естественной устроенности — неустроенности бытия или упорядоченности — неупорядоченности культурно-исторической среды обитания. Такие ситуации обычно разворачиваются вокруг тех «узлов» человеческого миропорядка, в которых сконцентрирована непредсказуемость бытия и результатов человеческого действия в нем. Практическое освоение человеком мира осуществляется по логике необходимых, закономерных, сущностных, структурообразующих, обосновываемых связей и отношений. Именно этот тип связей онтологически определяет рационалистические основания культуры.

Но наряду с таким типом связей и отношений существует и другой тип — случайные, второстепенные, флуктуационные, недетерминированные, необосновываемые и нерационализируемые связи. Они не структурируют целостные системы, а служат в них лишь в качестве вспомогательного, накопительного, неустойчивого и непредсказуемого фактора. В практике человек постоянно взаимодействует не только с первым, но и со вторым типом отношений бытия. На «стыке» этих двух типов связей и отношений мира, когда они попадают в поле практического воздействия человека, и возникает граница рационального и иррационально-мистериального моментов культуры. Здесь, по-видимому, находится и граница «поля возможностей» когнитивных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] См.: *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избранные труды. — М., 2002; *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М., 2010.

- [2] Критериев «искусственного интеллекта» может быть много. Один из них — тест Тьюринга, согласно которому система «искусственного интеллекта» должна работать так, чтобы человек был не в состоянии определить, с кем он общается — с другим человеком или с «искусственным мозгом».
- [3] См.: мнение директора Института когнитивных исследований Российского научного центра «Курчатовский институт» Б. Величковского. URL: www.cogsci.ru/docs/BMV_191207.doc
- [4] URL: <http://www.2045.ru>. См. также: *Эттингер Р.* Перспективы бессмертия. — М., 2003; URL: <http://www.transhumanism-russia.ru> и др.
- [5] URL: <http://www.2045.ru>
- [6] См.: Наука и квазинаука. — М., 2008.
- [7] URL: <http://www.mywire.com/a/ForeignPolicy/Worlds-Most-Dangerous-Ideas/564801page=4>
- [8] *Найдыш В.М.* Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. — М., 2002. — Гл. XVI.

TRANSHUMANISM AND “FIELD OF POSSIBILITIES” COGNITIVE TECHNOLOGIES

V.M. Naydysh

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Transhumanism and biokonservativizm — two extreme philosophical positions about the prospects for the development of cognitive technologies. They opposed the position, based on the idea that the reproduction of the universal relationships between man and the world is a form of consciousness, which is called “the mystery”. Mystery sets the boundaries of “knowable — unknowable” in specific historical circumstances. Mystery has a binary (cognitive and value-affective) structure.

Key words: cognitive, value, consciousness, the mystery, image, technology, problem, thought, abstraction.